

Н. В. Клековкина

РОЛЬ СЕМЬИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКАХ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ

Двадцатое столетие являет опыт создания новой системы праздников в рамках идеологических потребностей советского государства. При этом изменениям подвергалось как содержание, так и организационная форма праздничных мероприятий. Речь идет о возникновении демонстраций и спортивных шествий [1].

Фактически невозможно говорить о неизменной традиции советского праздника. Причины смены и механизмы реализации новаций в рамках брежневской эпохи попытаемся раскрыть с опорой на материалы казанской истории. В первую очередь речь пойдет об обнаруженном в архивах комплексе источников по праздникам советской семьи.

Жизнь праздника коротка, отрывочна память о нем, потому в круг источников входят: социологические сведения, сценарии и протоколы их обсуждений, программы мероприятий, приглашения, рекламные плакаты, фотографии, отчеты и информационные статьи в городской периодике. В совокупности они дают возможность увидеть задумку и степень ее выдержанности, оценить восприятие мероприятий современниками, определить количество участников, познакомиться с предложениями по модернизации праздников.

Прежде чем описать характер изменений, попытаемся объяснить их причины. С появлением индивидуальных квартир свободное время принимало рекреационно-развлекательный характер, досуг привязывался к дому: телевидение и радио заменяли посещение кино, театров и массовых мероприятий. Это, в свою очередь, усиливало потребность вернуть горожан под воздействие институтов индокринации.

Прежняя традиция массового праздника испытывала сложности. Энтузиазм сменялся привычкой, большая часть участников оставались незнакомцами. По общесоюзной статистике, четверть горожан не участвовали в массовых праздниках [1].

В рамках избранного периода новое звучание получил институт семьи. Именно он стал посредником между личными интересами и официальной идеологией. Как реакция на сложившиеся условия времени в Казани появились районные праздники семьи. В этот период для регионов меньшее значение имело предписание копировать московские образцы, что позволяло проявлять инициативу.

В 1977 г. впервые проводится серия праздников семьи, приуроченных к революционным датам. Датировка первого праздника связана с новой Консти-

туцией, в соответствии с ней семья находится под защитой государства. Более того, семейный акцент делался в большинстве праздничных программ. На это указывало требование «внести в любой праздник элемент семейственности» [5, ф. 16, оп. 55, д. 1166 а, л. 118]. Потому даже разработчики праздника улицы вели поиск тех, у кого «свадьба, помолвка, золотая свадьба, рождение детей» (некая семейная дата) и стремились к присутствию на празднике родных того, чье имя носит улица.

Фактически в 60—80-х гг. смещение к семейной подаче было неизбежным, а подобные мероприятия превращались в традицию. Ее вернее будет описать как изобретенную традицию — совокупность общественных практик символического характера, регулируемых признаваемыми правилами [4]. Потребность в изобретении традиций не возникает там, где живы старые формы. Это обстоятельство подтверждает наличие идеологических срывов в отлаженной системе и попытки вернуться к практике контроля.

Традиционный праздник можно рассматривать вслед за Полем Нора как место памяти, имеющее материальный, символический и функциональный смысл [2]. Признавая наличие идеологического наполнения, попытаемся рассмотреть символическую основу. В первую очередь ее составляло возвращение к революционной тематике. Проявление официального характера выразилось во вручении трудовых наград как признаков социальной значимости и жестком контроле, порождающем отсутствие возможности отклонения от норм общественного порядка.

В рамках советской системы еще на раннем этапе был выработан треугольник большой семьи [3]. При этом образы отца являл не действующий, а контекстный персонаж, образ высшего порядка, а у матери была более явной связка с народом (конструируемая женственность включала плодovitость и красоту).

Теоретические наблюдения подтверждаются анализом перечня мероприятий. Большая часть обращена к мамам и детям. Исключительно женщинам адресованы встреча с матерью-героиней; лекция о правах женщин; беседы с косметологом, поваром, мастером химчистки, модельером; занятия по сервировке стола и вопросам современного жилого интерьера, семейного бюджета; демонстрации моделей одежды и причесок. Для малышей придуманы кукольные спектакли, «гости из зоопарка», катание на пони, игровые комнаты с автоматами, встречи со сказительницей, мультфильмы, конкурсы поделок, рисунков на асфальте. Отцам предлагаются шахматный турнир, соревнования по стрельбе из пневматической винтовки, конкурс по вождению автомобиля (спортивный акцент — единственный — выражен явно), консультации по ремонту бытовой техники, встреча с автором книги «100 советов любителю мастерить» (хозяйственный акцент заметен реже) или конференция с весьма невнятной программой.

Отмеченное разделение членов семьи компенсировалось обращением к свадьбе как гармоничному синтезу мужского и женского. Практика публичного бракосочетания внедрялась как новая обрядовость, но была далеко не всеми однозначно воспринята. Для устроителей праздники были в первую очередь механизмом внедрения гражданских ритуалов, «способствующих формированию коммунистического быта, влияющих на организацию досуга и отдыха, удовлетворяющих духовные и культурные запросы, служащих средством атеи-

стической борьбы» [5, ф. 19, оп. 45, д. 744, л. 126]. Другие призывали к созданию теплой семейной атмосферы.

При характеристике материального воплощения праздника мы сталкиваемся с потребностью реконструкции художественной среды. Для ее создания собирались специальные комиссии и худсоветы. В условиях достижений НТР стремились к яркому оформлению (воздушные шары, флаги). Обязательным являлось присутствие музыкального фона, углубляющего воздействие на настроение участников. Как серьезное мероприятие праздник предполагал подготовительный этап: рассылку приглашений, конкурс сочинений, рекламу на транспорте, специальный номер районной газеты. Работа по созданию настроения идеально выражена фразой «исподволь готовить праздник в душе» [5, ф. 16, оп. 55, д. 1130, л. 136].

Со временем праздники стали повторяться по несколько раз в год. Даже плакаты издавались по клише — лишь со сменой даты. Попытки внести разнообразие сводились к перетасовке поводов, объединяемых в праздник: к 8 Марта добавлялись проводы зимы.

Ответственность за подготовку и проведение торжеств разделялась между работниками райкомов КПСС, ВЛКСМ, оформительскими силами школ и домов культуры. Специфика советского стиля управления проявилась в подготовке праздничного оформления: сверху предприятиям спускались наряды на изготовление инвентаря для торжеств. Создавались группы по организации работы транспорта, торговли, медицинского обслуживания, охране общественного порядка.

В рамках подготовки к празднику была задействована и общественность: проводились субботники, обновлялась покраска, строились заборы, высаживались цветы, асфальтировались дорожки, устанавливались урны и даже иногда сносились ветхие дома. Хотя механизм подготовки праздничного пространства был скорее не преобразующим, а камуфлирующим.

Несмотря на то что некоторые праздники проходили в холодное время года, часть мероприятий выносилась на улицу. Неиспользование территории парка считалось серьезным недостатком, а спортивные соревнования на улице должны были украсить торжество.

Местом проведения большей части мероприятий оставались дворцы культуры, заводские базы отдыха и клубы районов.

Выработка содержания праздника шла в соответствии с функциональными ожиданиями, учетом пожеланий организаторов и участников. В результате происходило микширование культурных слоев: массового и официального. Например, вечер «Гвардейцы пятилетки навстречу XXVI съезду КПСС» завершался дискотеккой.

Организаторы стремились разработать разнообразную программу. Но некоторые мероприятия просто срывались: отсутствие лекции главного врача было связано с его предпочтением принимать гостей дома [5, ф. 841, оп. 1, д. 2511, л. 53]. Этот пример демонстрирует постоянную проблему: максимальное количество участников можно было собрать именно в праздничный выходной, но при этом сложнее было обеспечить наполнение программы.

Усиление функциональной осмысленности мероприятия для самих участников было связано с потребительским компонентом. Причем он продумы-

вался организаторами очень тщательно. Например, торговые организации *обязывали* «осуществить торговлю продуктами, кулинарными изделиями, полуфабрикатами, прохладительными напитками». Ассортимент буфетов включал сок, воды, лимонад, пиво, шампанское, сухое вино, конфеты, сигареты, консервы, печеные изделия, жареных кур и индеек, жареное мясо, блины, салаты, заливное [там же, д. 2756, л. 92].

Изобилие было лишь в планах; в обзорах по результатам проведения праздников отмечается проблема с ассортиментом и количеством привезенных товаров, некоторые торговые киоски вообще не открывались или работали до обеда.

В домашнюю атмосферу семейного праздника вклинивалась официальная иерархичность: приглашенные гости числились по особым спискам (ветераны труда, победители соцсоревнования, передовики производства, значимые персоны из обкома партии, Совета министров или Президиума Верховного Совета республики). Это порождало недовольство со стороны менее титулованных участников. В ряде анкет часто отмечается безразличие к человеку: «не пускали, все ждали на улице целый час и возмущались» [там же].

По сведениям социологического исследования 1977 г., когда праздники представляли новое и непривычное, 67 % опрошенных они нравились [там же, д. 2511, л. 53]. Но со временем проблема повторяемости сценарных ходов и неидеальность их исполнения снизила интерес к праздникам семьи. Основываясь на пятилетнем опыте, в одном ДК пришли к выводу, что интерес упал, обнаружив, что число посетителей сократилось в 3 раза, а в другом ДК рапортовали, что «праздник стал неотъемлемой частью культуры отдельных трудящихся района и в данный момент к нему проявляет интерес все больше количество людей» [там же, д. 2614, л. 2]. Видимо, здесь мы сталкиваемся с двумя полюсами искренности или расхождением между желаемым и действительным.

Итак, частота обращения к праздникам семьи свидетельствует о степени приемлемости этой категории — как для власти, так и для горожан. Отказ от новой традиции, наблюдаемый в финале брежневской эпохи, отражает провал попыток поиска компромисса частного и общественного и на уровне идеи (дискредитированной многократным повторением), и на уровне практики (сведенной от семейной соразмерности к официальной помпезности). Пример, являющийся собой скорее казус, может рассматриваться и как доказательство деидеологизации общественной жизни.

Библиографический список

1. *Немиров О. В.* Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л. : Художник РСФСР, 1987. 232 с.
2. *Нора П.* Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17—50.
3. Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. 1040 с.
4. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиции / пер. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47—62.
5. Центральный государственный архив Республики Татарстан.